



Таким образом, проведенный среди студентов СГУ опрос показал, что большинство из них считают умелое использование языковой игры преподавателем в ходе учебного процесса уместным и осознают эффективность применения данного приема для создания рабочей атмосферы и улучшения взаимоотношений с курсом. Наиболее очевидными целями употребления педагогами игровых высказываний, по мнению учащихся, являются «интересное и доступное изложение материала», «снятие эмоционального напряжения в общении, сокращение социальной дистанции между преподавателями и студентами», «установление контакта с учащимися, приглашение к

диалогу», «короткий перерыв в работе, смена вида деятельности». Значительно меньшее число студентов отмечают, что языковая игра может быть использована преподавателями для привлечения и удержания внимания аудитории, выхода из конфликтной ситуации и преодоления собственного волнения. И лишь немногие учащиеся указывают, что игровой прием может являться средством критики.

Примечания

¹ Орфография и пунктуация авторские.

УДК 811.161.1–25+811.161.1–26+811.161.1'37

ПРИНЦИПЫ АДАПТАЦИИ УСТНОГО НЕПРИНУЖДЕННОГО ДИСКУРСА В ПИСЬМЕННЫЙ: РАБОТА С ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ

И. В. Кокошкина

Саратовский государственный университет
E-mail: Kokoshkinaiv@yandex.ru

Статья посвящена проблеме работы с десемантизированными элементами при адаптации устного дискурса в письменный. Выделяются функции, которыми могут быть наделены семантически опустошенные элементы в устном варианте исследованных воспоминаний, а также причины их оставления в письменном тексте либо удаления их при обработке. Выявлены возможные принципы, которыми руководствуется редактор, сталкиваясь с каждым конкретным случаем употребления автором текста десемантизированных элементов.

Ключевые слова: устный дискурс, письменный дискурс, адаптация, десемантизированные элементы, хезитация, говорящий, слушающий.

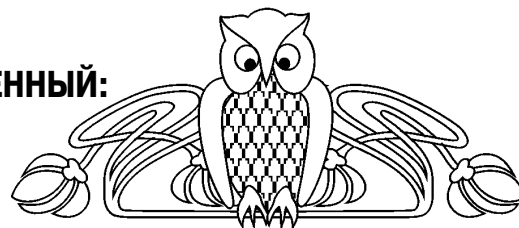
The Principles of Adapting Spoken Informal Discourse into the Written One: Working with the Semantically Devoid Elements

I. V. Kokoshkina

The article focuses on the question of working with the semantically devoid elements when adapting spoken discourse into written. The author distinguishes functions with which semantically devoid elements can be endowed in the spoken variant of the memories under research, as well as the reasons of their being preserved in the written text or their elimination in processing. Possible principles were revealed by which an editor is guided upon an encounter with every case of author's usage of semantically devoid elements.

Key words: spoken discourse, written discourse, adapting, semantically empty elements, hesitation, speaker, listener.

Как известно, письменная и устная речь имеют принципиальные различия. Одним из таких отличий устной спонтанной речи является частое



использование десемантизированных элементов, одни из которых действительно необходимы говорящему и слушающему, другие же явно избыточны. Поэтому при подготовке устного дискурса к его письменному предьявлению всегда требуются определенные усилия (редактирование).

Материалом для статьи послужили воспоминания О.Б. Сиротининой (опубликованный вариант и расшифровка ее устных воспоминаний, записанный и расшифрованный О.В. Мякшевой). Цель статьи – проанализировать случаи употребления информантом десемантизированных элементов устной речи и то, как они отражены в письменном варианте воспоминаний, а также постараться определить правомерность и целесообразность сохранения либо удаления подобных элементов. Необходимо также отметить, что воспоминания не надиктовывались, а родились в ходе свободной домашней беседы О.Б. Сиротининой и О.В. Мякшевой (тоже лингвиста), с которой у автора воспоминаний установились длительные профессиональные и дружеские отношения.

Сталкиваясь со случаями использования информантом десемантизированных элементов, О.В. Мякшева скорее всего (осознано или неосознанно) опиралась на критерий функциональности. В зависимости от того, какой функциональной нагрузкой обладает элемент, т.е. какова его роль в организации дискурса, данный элемент был либо внесен в письменный текст, либо заменен на другие вспомогательные средства письменного дискурса, либо вовсе изъят из отредактированного варианта.

В процессе воспоминания неизбежно возникают паузы в речи, связанные с тем, что Ольга



Борисовна пытается восстановить в памяти цепь прежних событий, имена людей и т.д., и с этим связано возникновение в ее речи хезитативов. Нередко присутствуют и десемантизированные элементы в функции актуализаторов внимания, так как определенные факты и явления кажутся автору важными и он стремится обратить на них внимание собеседника. Возможно это также связано с тем, что у говорящего есть своя логика изложения событий, они возникают в памяти непоследовательно, в связи с чем иногда приходится что-то повторять, возвращаться к сказанному ранее.

В качестве заполнителей пауз колебания в речи Ольги Борисовны встречаются такие элементы, как *вот*, *ну*, редко – *значит*: *Ну... я знаю что там был автор «Слова о полку Игореве»/ ну... безусловно был Пушкин/ об этом даже говорит нечего//; Они относились друг у другу с большим уважением/ и Гуковский к Скафтымову/ и Скафтымов к Гуковскому// и ...**вот** ...мы послушали ...**вот**... очень много// именно литературоведческих//; Это было в студенческие годы// а потом **значит** я осталась в аспирантуре//. В отредактированном тексте воспоминаний этих словечек нет, например: «...было семь авторов: создатель «Слова о полку Игореве», безусловно, Пушкин (об этом даже говорить нечего)»¹.*

Еще одним средством заполнения речевых пауз, возникающих в процессе воспоминания, являются лексические повторы. Замечено, что когда текст многократно повторяется, он начинает терять свой смысл². Повторяющиеся слова лишаются информативности и становятся контекстуально десемантизированными. Например: *Ну все в общем читали// очень много/ и Бялый читал/ и Евгеньев-Максимов читал/ и Скафтымов читал//; Приехал и Панов/ приехала и Земская/ и Лаптева приехала// Ширяев был/ ну в общем много людей было//; Она попробовала/ из чашки **попробовала**/ из армуда **попробовала**// чай один и тот же/ из одного чайника//. Иногда повторяются не только отдельные лексемы, но целые группы слов: *И при этом тогда о порядке слов... ну практически ничего не писали// очень мало было// А если писали/ то Петерсон скажем писал о порядке слов// Пешковский немного писал о порядке слов// то они утверждали/ что в русском языке порядок слов абсолютно свободный//.**

Повторение глаголов (скорее всего автоматическое) дает адресанту некоторое время, чтобы что-то вспомнить. При редактировании эти повторы были убраны, так как для адекватного понимания смысла достаточно и одного словоупотребления: «Лекторов было очень много: Бялый, Евгеньев-Максимов, Скафтымов»³; «приехали Панов, Земская, Лаптева, Ширяев, много людей было»⁴; «Она вышла из чашки, потом из армуда. Чай один и тот же, из одного чайника»⁵ и т.п. Интересно отметить, что говорящий прибегает к подобному рода повторениям чаще всего тогда,

когда речь идет о персоналиях, т.е. при необходимости воскресить в памяти конкретные фамилии. Чем большая требуется фактуальная точность, тем больше усилий необходимо говорящему, чтобы избежать ошибки, а лексически опустошенные повторяющиеся слова помогают сосредоточиться и дают говорящему кратковременный отдых.

Известно, что спонтанность устной речи зачастую препятствует правильному построению высказывания, из-за чего фраза может быть некорректной (на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях). Чтобы избежать коммуникативной неудачи и перестроить высказывание на ходу, говорящий использует различные десемантизированные элементы. Например: *И я хотела/ дядя мой/ ну **вот** у него была такая мечта/ которую он почти осуществил// но не до конца//; И он... **вот** его мечта была/ чтобы ... стояли когда-то такие автоматы газированной воды//. Письменная речь, предполагающая подготовленность, исключает возможность подобной перестройки, поэтому десемантизированные элементы в данной функции при обработке не сохраняются: «У моего дяди Николая была мечта, которую он почти осуществил»⁶, «его мечтой было поставить автоматы с кислородным коктейлем, вместо газированной воды»⁷.*

Проанализируем еще один случай употребления О.Б. Сиротининой *вот*: *Он получил золотую медаль/ и к ней прилагалась годовичная командировка// **вот**... такая полевая практика/ как угодно назовите/ по славянским странам/ поскольку он был славистом// И **вот** у него были работы/ которые трудно назвать какие они были//. Первое *вот* помогает говорящему подобрать наиболее удачное слово. Во втором случае это сигнал возврата к исходной теме. Как неоднократно отмечалось исследователями (О.И. Москальская, М.М. Бахтин), основными текстообразующими категориями являются связность и целостность, поэтому адаптация произведения устного дискурса в письменный предполагает тщательную работу по выстраиванию последовательности фрагментов и установлению внутренней логики текста. В связи с этим десемантизированные элементы, помогающие адресанту перестроить высказывание или вернуться к ранее сказанному, в письменном варианте воспоминаний не имели бы значимости и были убраны при обработке: «он <...> получил за свою выпускную работу (мы теперь скажем дипломную) золотую медаль, и к ней прилагалась годовичная командировка – полевая практика (как угодно назовите) по славянским странам, поскольку он был славистом. У него были работы, которые трудно назвать собственно лингвистическими»⁸. О.В. Мясцева не увидела смысла в дополнительной актуализации, возможно, еще и потому, что вся мысль заключена в пределах одного абзаца, т.е. легко «схватывается» взглядом.*

Еще одна функция десемантизированных элементов, используемых автором воспоминаний,



– это привлечение/удержание внимания собеседника. На качество устной коммуникации помимо собственно языковых факторов влияет и обстановка общения. Внешние помехи, шумы могут отвлекать слушающего, поэтому О.Б. Сиротинина использует *понимаете*: *Нам бы в голову не пришло вот рваться без билета// но понимаете вахтеров смяли/ и нас туда внесло//; Павел Андреевич испугался/ понимаете? Если так легко отдают/ то значит это что-то такое/ что лучше не надо//*. Естественно, что чтение письменного текста предполагает большую сосредоточенность, и в подобных контактоподдерживающих средствах нет надобности, поэтому в опубликованном варианте в этих фрагментах *понимаете* нет: «была страшная давка, вахтеров смяли, и нас этой толпой туда внесло. Нам бы в голову не пришло рваться без билета»⁹; «И Павел Андреевич испугался (так легко отдают декана!) и снова вызвал меня»¹⁰.

Судьба десемантизированных элементов, имеющих в речи говорящего иные функции, не столь однозначна. Приведем отрывок из устного рассказа: – *Ага/ продолжайте// – Вот... когда я еще была студенткой/ я работала в двух спецсеминарах// Лингвистическом/ у Л.И. Баранниковой нас там было всего 2 человека/ я и Светлана Александровна Бах// Поэтому мы занимались вне расписания// И... вот литературоведческий, в котором было в общем говоря все... В тексте воспоминаний этот фрагмент выглядит так: «Мы дошли до спецсеминаров – война шла к концу. Я работала в двух спецсеминарах: лингвистическом, у Лидии Ивановны Баранниковой (нас там было всего два человека: я и Светлана Александровна Бах, поэтому мы занимались вне расписания), и литературоведческом, у Александра Павловича Скафтымова»¹¹. Мы видим, что в обработанном варианте этих *вот* нет, но есть иные средства, заменяющие их в тексте. В первом случае употребление *вот* могло быть обусловлено тем, что О.В. Мякшева вынуждена была прервать запись, чтобы сменить кассету на новую. О.Б. Сиротинина использовала *вот*, с одной стороны, чтобы самой настроиться на продолжение разговора, с другой стороны, чтобы актуализировать внимание собеседника, которое могло быть частично рассеяно в процессе смены кассеты. Вместо него введено предложение «Мы дошли до спецсеминаров – война шла к концу», которое дает читателю установку на начало новой подтемы и тем самым актуализирует его внимание. Во втором случае *вот*, скорее всего, было использовано как актуализатор слова «литературоведческий» (семинар). Ольга Борисовна упоминает, что она работала в двух семинарах, но о лингвистическом говорит более подробно. Возникает сложная тема-рематическая цепочка, поэтому подобное акцентирование было нужным для возвращения к исходной мысли. Таким образом, в данном случае десемантизированный элемент помог структурировать высказывание и сделать его более удобным для слушательского*

восприятия. Чтобы сохранить эту структуризацию в письменном тексте, О.В. Мякшева внесла пояснительную информацию о лингвистическом семинаре в скобки. Таким образом, одним из способов сохранения значения, реферируемого десемантизированным элементом, являются средства формальной организации текста.

Рассмотрим еще один фрагмент: *А еще она считала что она поет// она-таки пела// и вот когда у нас уже была/ она все пела// но я ее пения просто не выносила честно говоря/ потому что там были ...высокие ноты/ и потому что там были явно фальшивые ноты// а вот Александр Митрофанович договаривался со Светланой Александровной// которая кончила музыкальную школу что она будет ей аккомпанировать//*. При обработке *вот* в качестве актуализатора было убрано, при этом отрывок текста, содержащий рассказ о супруге Александра Митрофановича, поделен на два абзаца, что должно удержать внимание читателя на сказанном, так как расчленение текста на абзацы «дает некоторую “передышку” при чтении, а также расставляет акценты»¹²: «А еще она считала, что умеет петь. Она-таки пела, но я ее пения просто не выносила, и потому что это были очень высокие ноты, и потому что она явно фальшивила.

*Александр Митрофанович договаривался со Светланой Александровной, которая кончила музыкальную школу, аккомпанировать»*¹³.

Иногда десемантизированные элементы использованы автором воспоминаний для подведения итога: *Но они не об этом говорили/ а говорили вот о том что это вот пропаганда гриньковской идеи// бог знает чего// Ну в общем короче говоря/ это был кошмар//*. В данном отрывке дискурса сигналом обобщения, подведения промежуточного итога сказанному служит не один десемантизированный элемент, а их комбинация: *ну в общем короче говоря*. Играть роль подобного маркера в устном дискурсе может и каждый из приведенных элементов в отдельности, и их нагромождение порождает избыточность. Однако можно заметить, что если вместо одного десемантизированного элемента используется два или более (в одной и той же функции), то при переводе устной речи в письменный текст эти элементы либо частично оставляются, либо заменяются иными средствами письменного дискурса, которые играли бы такую же роль, какую играют в устной речи данные элементы. Так, приведенный фрагмент воспоминаний в письменном варианте был немного перестроен и поделен на два абзаца: «Они к этому прицепились и назвали наш сборник пропагандой гриньковской идеи.

*Это был кошмар, причем кошмар в разных, так сказать, отношениях»*¹⁴. Таким образом, предложение, вынесенное в сильную текстовую позицию, зрительно акцентирует на себе читательское внимание. Еще один пример, иллюстрирующий это: *Ну вот я стояла вот на таком*



распутье// но все шло все-таки от диалектов//. Сравним этот отрывок с отредактированным вариантом: «И вот стою я на распутье в науке, какой дорогой идти дальше»¹⁵. Мы видим, что одно *вот* все же оставлено, возможно, чтобы подчеркнуть переход к новой мысли.

В устных воспоминаниях присутствуют также элементы *скажем* и *так сказать*. Попробуем проанализировать особенности их отражения в обработанном тексте. Эти элементы являются дискурсивными, указывающими на приблизительность, примерность, неточность сказанного. Понятие о точности или неточности реализации коммуникативной интенции в некоторой мере субъективно и во многом основывается на представлениях самого говорящего. Если с его точки зрения мысль выражена им не вполне удачно, он использует *так сказать*, *скажем*. При обработке воспоминаний О.В. Мякшевой приходилось в каждом подобном случае оценивать действительную степень неточности, оставляя или убирая из текста упомянутые дискурсивы. Приведем примеры: *В двадцатом году как он говорил/ он был послан на укрепление/ создание Симферопольского Крымского университета// У Лидии Ивановны были в свое время сомнения/ поскольку это был двадцатый год/ и кто его так сказать послал/ или он пытался так уйти от советской власти//*. В данном отрывке «так сказать» передает значение неуверенности, говорящий сомневается, действительно ли этот научный сотрудник был послан в Крым. В письменном варианте *так сказать* убрано, однако оттенок сомнения выражен конструкцией *мог послать*: «Лидия Ивановна в свое время сомневалась в этом, поскольку это 20-й год: кто его мог послать или он пытался уйти от советской власти?»¹⁶

Подобные дискурсивы нередко являются показателями выражения модусной категории персуазивности и потому оказываются важными для верной интерпретации сказанного, и их изъятие из текста в определенных случаях может повлечь коммуникативную неудачу. Приведем пример: – *У него целый цикл был лекций/ ну так сказать вот поэтическая обойма русской литературы// И вот в этой поэтической обойме у него было по-моему семь авторов// – Это так и называлось – обойма? – Ну... я не помню точно как это называлось//*. «Литературная обойма» – название, не являющееся общепринятым в науке, поэтому читатель нуждается в некотором разъяснении, метатекстовом комментарии. Значение неточности, выраженное в устной речи дискурсивом «так сказать», в письменном тексте передается при помощи заключения слова «обойма» в кавычки и добавлением пояснительной конструкции «как он сам назвал»: «Цикл его лекций был посвящен, как он сам назвал, поэтической “обойме” русской литературы»¹⁷.

В других случаях *так сказать* сохраняется и в письменном тексте: *это был кошмар// совершеннейший// причем кошмар он был в двух так*

сказать разных отношениях//. Посмотрим на тот фрагмент в текстовой версии воспоминаний: «*это был кошмар, причем кошмар в разных, так сказать, отношениях*»¹⁸. По-видимому, О.Б. Сиротинина осознавала некую «шероховатость» во фразе «*кошмар в двух разных отношениях*» и потому указала слушателю на приблизительность такой формулировки. О.В. Мякшева, редактируя этот отрывок, скорее всего также увидела некую неточность, но либо не нашла более подходящего варианта, либо намеренно сохранила авторскую интонацию, оставив *так сказать* в тексте.

Можно увидеть и примеры несовпадения точек зрения О.Б. Сиротининой и О.В. Мякшевой на неточность сказанного. Например, из отрывка устных воспоминаний *Александр Митрофанович прочел мою кандидатскую/ когда я ее написала/ и сделал мне одно замечание/ которое я запомнила на всю жизнь и следую его так сказать правке//* при адаптации был убран элемент *так сказать*: «*Александр Митрофанович прочел мою кандидатскую, когда я ее уже написала, и сделал одно замечание, которое я запомнила на всю жизнь и следую его правке*»¹⁹.

Скорее всего, для автора воспоминаний понятие «правка» включает в себе нечто большее, нежели два небольших замечания, однако редактор, видимо, не посчитала это неточностью и не сохранила *так сказать* в письменном тексте. Еще один пример: *И он очень много читал// Очень много читал наизусть/ прекрасно/ и что меня тогда поразило/ ну я совершенно понимала/ безусловно/ что он читал прекрасно// И что из ттецов так сказать официальных с ним сравниться не может//*. С точки зрения О.Б. Сиротининой, выражение подобрано не точно, однако О.В. Мякшева, видимо, не сочла такую речевую формулу некорректной, и *так сказать* было изъято из письменного варианта: «*Читал наизусть он изумительно, никто из официальных ттецов с ним сравниться не может*»²⁰.

Вот присутствует в речи Ольги Борисовны и в качестве сигнала приведения примера: *Дело в том что еще раньше/ без всяких таких каких-то замыслов/ я просто в семинаре у себя давала такие темы/ вот посмотреть как ведут себя разные... ну те же существительные/ прилагательные/ глаголы/ то есть разные части речи//*. Выделение какого-либо фрагмента действительности в качестве примера является коммуникативно значимой информацией как в устном, так и в письменном дискурсе. Но *вот*, используемое для этой цели в устной речи, имеет разговорную окраску, поэтому в письменном тексте оно заменяется на слово *например*: «*просто я у себя в семинаре давала такие, например, темы: как ведут себя разные части речи*»²¹.

Анализ устных воспоминаний и его текстового варианта позволил нам предположить, что десемантизированное *вот* употреблено автором и в еще одной функции – усиление противополо-



ставления, и в данном значении *вот* сохраняется и в письменном дискурсе: «*Девочки подтвердили: “Нет, никогда”. А вот мальчики покраснели и сказали: “А при нас говорили”*»²², или: «*В те годы не издавался ни один нормативный словарь: ни толковые, ни орфоэпические, ни орфографические, а вот словари лагерной фени <...> огромными тиражами*»²³.

Итак, сравнительный анализ устного варианта воспоминаний и письменного текста позволил сделать некоторые выводы не только о закономерностях редактирования исследованных нами воспоминаний, но и, возможно, об общих принципах адаптации устного дискурса в письменный.

В устном варианте десемантизированных элементов встречается гораздо больше, нежели в письменном, и наиболее частотным из них является *вот*.

Десемантизированные элементы, возникновение которых в речи говорящего обусловлено характерными особенностями устного дискурса, в письменном тексте оказываются нефункциональными и поэтомо не сохраняются при правке текста. Так, хезитативы, элементы, помогающие перестроить высказывание или подобрать наиболее удачное слово, а также контактоподдерживающие средства в адаптированном варианте отсутствуют.

Семантически опустошенные элементы, которые играют определенную роль в построении дискурса и передают различные оттенки смысла, либо остаются в тексте, либо заменяются иными средствами, доступными письменному дискурсу, которые по своим функциям тождественны употребленным в устной речи десемантизированным элементам. Элементы, использованные в функции актуализации определенной части высказывания, были заменены заключением текста в скобки либо вынесением фрагмента в начало

абзаца. Неточность, выражаемая дискурсивами *скажем, так сказать*, передается в тексте вводом дополнительной пояснительной информации, изменением модальности предложения. Хотя иногда десемантизированные элементы устного дискурса остаются в тексте, но если они имеют функционально аналогичные средства письменного дискурса, то при адаптации устных воспоминаний к печати приоритет отдается именно последним.

Примечания

- 1 Сиротинина О. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек : воспоминания. Саратов, 2009. С. 91.
- 2 См.: Зарецкая Е. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 2002.
- 3 Сиротинина О. Указ. соч. С. 91.
- 4 Там же. С. 157.
- 5 Там же. С. 156.
- 6 Там же. С. 157.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 122.
- 9 Там же. С. 92.
- 10 Там же. С. 125.
- 11 Там же. С. 89.
- 12 Валгина Н. Теория текста : учеб. пособие. М., 2003.
- 13 Сиротинина О.Б. Указ. соч. С. 122.
- 14 Там же. С. 150.
- 15 Там же. С. 159.
- 16 Там же. С. 122.
- 17 Там же. С. 91.
- 18 Там же. С. 150.
- 19 Там же. С. 123.
- 20 Там же. С. 91.
- 21 Там же. С. 163.
- 22 Там же. С. 139.
- 23 Там же. С. 140.

УДК 811.161.1'37+811.161.1-26

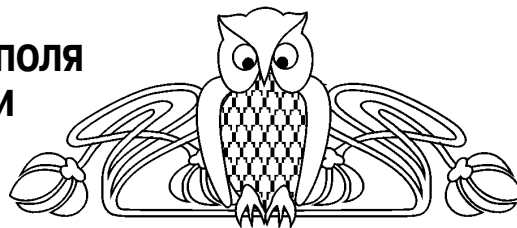
СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «БОЛЕЗНЬ» В ПИСЬМЕННОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ МЕДИКОВ

Т. В. Родионова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: rodionovatv2011@mail.ru

Статья посвящена проблеме исследования речи отдельных социально-профессиональных групп с позиций теории семантических полей. Рассматривается специфика лексико-семантического поля «Болезнь» на материале письменной научной речи медиков, дается структурно-функциональный анализ исследуемого поля.

Ключевые слова: социально-профессиональная группа, лексико-семантическое поле «Болезнь», письменная научная речь медиков, структурно-функциональный анализ.



Specific Features of the Lexico-semantic Field «Disease» in the Written Form of Scientific Medical Discourse

T. V. Rodionova

The article is concerned with the problem of investigation of the social-professional group discourse from the point of view of semantic fields. It describes the peculiarities of the lexico-semantic field «Disease» based on the material of the written form of the scientific medical discourse, presents the structural and functional analysis of the field under research.